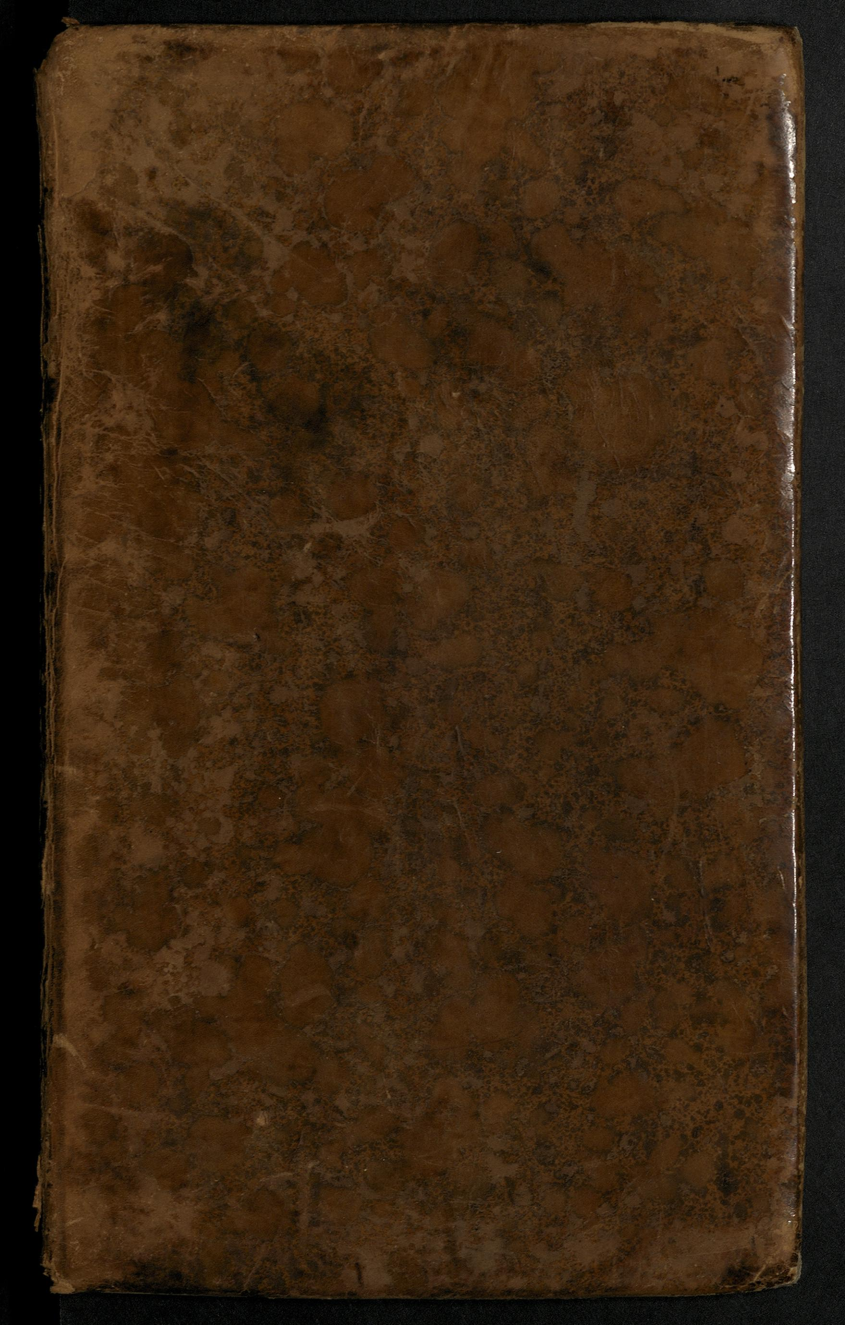

БЛАГОГОВѢЙНЫЙ ЗРИТЕЛЬ ПРИРОДЫ,

или

Утреннія, полуденныя, вечернія и нощныя размышленія

славнаго

ГЕРВЕЯ.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА, 1800.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

Дающему мнѣ премудрость воздамъ славу.

Сир. гл. 23.

БЛАГОГОВѢЙНЫЙ ЗРИТЕЛЬ ПРИРОДЫ.

Часть I.

УТРЕННІЯ

РАЗМЫШЛЕНІЯ.

СВЯТѢЙШАГО
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА
ЧЛЕНУ,
ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ

ПЛАТОНУ,

МИТРОПОЛІТУ
МОСКОВСКОМУ и КОЛОМЕНСКОМУ,
и
Свято-Троицкія Сергіевы Лавры
СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТУ,
Орденовъ
Святаго Андрея Первозваннаго и Святаго Александра Невскаго

КАВАЛЕРУ,

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ОТЦУ
и
АРХИПАСТЫРЮ
Усерднѣйшее приношеніе.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ
ВЛАДЫКО!

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ОТЕЦЪ
и АРХИПАСТЫРЬ!

Вы носите на себѣ образъ подражаемаго учителя дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ; Вы умы и сердца, съ сладостію слушающія Васъ, въ чистыхъ правилахъ міра и благодати примѣрно образуете, образуете съ плодомъ и со славою; отъ сѣмяни и росы Вашей премудрости колико возрасло благочестивыхъ чадъ Церькви, колико добрыхъ гражданъ? Кому убо, какъ не Вамъ, великому *Христіанину-Философу*, кому, какъ не Вамъ, *Соломону-Павлу* приличнѣе могу я посвятить размышленія *Благоговѣйнаго Зрителя Природы*, въ которыхъ различныя *нравоученія*, занятыя *отъ природы* тѣсно, живо и разительно соединенны *съ* спасительными *истинами откровенія*?

Скудны труды мои; мала по отношенію къ достоянію Вашему, мала сія приношенія жертва: но для того,

что она подобна единому *Мнасу*, не ужели должна быть сокрыта въ землю? не ужели отъ Васъ должна быть утаенна?

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ВЛАДЫКО! Когда, имъ же отъ Васъ многое ввѣрено, радуются о благоволенiи Вашемъ свидѣтельствомъ приращенiя *десяти талантовъ*; тогда азъ хощу, да хотя *отъ двухъ* приношенiемъ предъ лицемъ Вашимъ явлюсь не постыденъ; явлюсь, дондеже есмь

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
МИЛОСТИВѢЙШАГО ОТЦА
и АРХИПАСТЫРЯ

Нижайшiй послушникъ
Никитскiй, что за Яузою, Священникъ

Иванъ Михайловъ.

ПОКАЗАНІЕ
Матерїй, въ I Части содержащихся.

Стран.

ПОКАЗАНІЕ
Во II Части.

Стран.

УТРЕННІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

I.

Утренняя прогулка.

Окропленный влажными испареніями, наполняющими надгробные своды, удалился я наконецъ отъ могилъ, и началъ дышать свѣжимъ воздухомъ среди *партеры*, испещренной цвѣтами. Всѣ мои чувства ощущаютъ новое удовольствіе. Нѣжно-тронутое *воображеніе* мое плѣняется различными предметами, — и съ радостнымъ восторгомъ перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ.

Теперь утро прекраснаго лѣтняго дня. Воздухъ свѣжъ и легокъ.

Оживленная *природа* улыбается. Шумный мiръ погруженъ въ глубокомъ снѣ. Корыстолюбiе не начинаетъ своихъ дѣйствiй. Утомленная роскошъ, преклонивъ буйственную главу свою, еще отдыхаетъ. Все мирно; всюду царствуетъ тишина. Душа моя спокойна. Мысли чисты, основательны, прiятны. Веселой жаворонокъ оставляетъ гнѣздо свое. Я вижу его парящимъ по воздуху. Онъ пѣнiемъ своимъ поздравляетъ аврору; вызываетъ земледѣльца на трудъ, и подобныхъ себѣ пернатыхъ пробуждаетъ въ гимнахъ прославлять *Создателя.*

Какъ прiятно *размышлять*, шествуя тихими шагами по травѣ, окропленной еще росою, и питаясь прохладою чистаго и спокойнаго зефира! Изнѣженныя чада лѣности! вы лишены сего сладкаго

удовольствія. . . Сколь нечувствителенъ отяжелѣвшій меланхоликъ! сколь нещастливъ! онъ половину жизни своей проводитъ во снѣ, — печальномъ изображеніи смерти.

II.

Восхожденіе солнца.

Утренній мракъ постепенно уменшается; темно - дикій цвѣтъ его исчезаетъ въ огненныхъ лучахъ, играющихъ въ небѣ и стремящихся озарить землю. Горизонтъ покрывается уже блистающею румяностію; солнце возходя начинаетъ уже теченіе свое; хоры птицъ въ Гармоническихъ пѣсняхъ воздаютъ уже *должное Творцу* своему: . . . пробудись смертный! повергнись предъ *Вездѣсущимъ*, соедини голосъ свой съ сей натуральной мелодіей; да возвысятся

тимны твои къ трону *Вѣчнаго*; — да возвысятся съ тѣми сладкими и пріятными благоуханіями, которыми при *возхожденіи солнца* дышетъ природа.

Возведи, человѣкъ! первой взоръ свой на небеса; какъ пріятно разсматривать великолѣпной сводъ ихъ! — Какъ любопытно примѣчать чудеса Атмосферы, гдѣ молніи разливаютъ огни свои, гдѣ громы раскатываются съ трескомъ, откуда бури низвергаясь, потрясаютъ вселенную, гдѣ миліоны висящихъ міровъ вращаются непрестанно, теряются и опять раждаются.

Воззри на *солнце*, исходящее зъ нѣдръ Востока. При приближеніи его густыя облака утончаются, и какъ слабыя завѣсы исчезаютъ. Съ какимъ величіемъ восходитъ оно на горизонтъ! тече-

ніе гордо и великолѣпно. Свѣтъ его уже озарилъ вселенную. Воображеніе! собери, собери всѣ рѣдкія произведенія человѣческаго искуства, и представь мнѣ здѣсь — на земли сцену, могущую сравниться съ *восхожденіемъ солнечнымъ*.

Я усматриваю въ семъ свѣтилѣ тысячу чудесныхъ свойствъ. Оно изображаетъ самую вѣрную *Емблемму Творца*. Почтеніе, которое воздавали ему язычники, другихъ видовъ идолослуженія кажется извинительнѣе. Изумленіе плѣнило разумъ, и человѣкъ обьятый удивленіемъ повергся. . .

Чтобъ были всѣ Царства міра, будучи лишены свѣта его? Какія мрачныя темницы! тщетно, тщетно глаза наши силятся проникнуть черную завѣсу ночи. Тогда веселыя черты природы бываютъ

отъ насъ сокрыты; тогда земля представляется намъ ужасною пустынею, — страшнымъ и нестройнымъ Хаосомъ. Но какъ скоро утренніе часы выводятъ къ намъ день; все кажется, улыбается въ очахъ нашихъ. Лазурное небо одѣто розовыми облаками, долины украшены нѣжною зеленью, цвѣты гордятся роскошною и блистательною своею пестротою, вся природа представляется въ величественныхъ своихъ прелестяхъ; — око блуждаетъ и безпрестанно удивляется.

Подобно, какое бы было состояніе *души* нашей, естьли бы она не была озарена *откровеніемъ*? Посмотримъ на язычниковъ, — на ихъ различныя системы; какія нелѣпыя понятія *о Божествѣ*! какія обманчивыя мечтанія *о безсмертіи*! какія тщетныя и дѣт-

скія гаданія *о Вѣчности*! Но *Искупитель* пришелъ, и — въ душахъ вѣрныхъ возсіялъ свѣтъ небесной премудрости.

Мы не будемъ болѣе ходить въ нощи невѣденія и страха; не будемъ съ трепетомъ вопрошать: „кто отвалитъ камень, подавля„ющій насъ? Кто отверзетъ намъ „врата вѣчная? Кто отвратитъ „мечь огненный? Кто введетъ насъ „въ жилище чистѣйшія радости?„ Посредствомъ великой *Крестныя жертвы* все уже исполнилось, все совершилось. Грѣшникъ освященъ, и — врата блаженства отверзлися ему.

Естьли мы благословляемъ Бога за то, что Онъ устроилъ неперемѣняющійся порядокъ времяни, дня и нощи, лѣтъ и цѣлыхъ вѣковъ: то не должны ли болѣе изливать предъ Нимъ чувствія благо-

дарности, созерцая очами *вѣры* таинственное *Солнце правды*? Безъ Него души наши были бы покрыты сѣнію смерти; безъ Него, непрестанно претыкаясь среди опасностей, сокрытыхъ во мракѣ нечестія, мы стремглавъ низпали бы въ пропасти ада. Но обратимся къ вещественному солнцу.

Чтобъ была вся земля безъ онаго великаго свѣтила, источника жизни вселенной? Что, какъ не безобразная глыба, — совокупленіе матеріи, не имѣющее ни силы, ни дѣятельности? Древа не покрывали бы насъ тогда своею сѣнію; растенія, лишенныя живости, не произращали бы нѣжной почки, въ свое время распускающейся; луга не были бы покрыты мягкими коврами, — любезными для пустынника. Но какое обиліе жатвы! какое множество пло-

довъ! это дѣйствіе огня, истекающаго изъ онаго животворнаго шара, которой Весну украшаетъ цвѣтами, — Осень обременяетъ неисчетнымъ богатствомъ. Онъ проникаетъ во внутренность виноградныхъ лозъ; сокъ приходитъ въ движеніе, кисть разцвѣчивается и — мало спустя вино, пѣнясь, кипитъ въ чашѣ удовольствія. Вертоградъ цвѣтетъ и нагибается подъ тяжестію плодовъ своихъ; золото въ нѣдрахъ земли сливается, и будучи извлеченно, при лучахъ солнечныхъ болѣе блещетъ. Алмазъ отъ жара его твердѣетъ и лучезарнѣе играетъ. Нѣтъ ни одного существа въ природѣ, которое бы, укрывшись отъ теплоты его, не было одолжено єму своимъ оживотвореніемъ.

Когда Отецъ свѣта появляется, миліоны насѣкомыхъ возраж-

даются снова; птицы, пробудившись, наполняютъ воздухъ гармоническими своими пѣснями; стада тихимъ блеяніемъ изъявляютъ предъ нимъ нѣжныя чувствія своего удовольствія; въ долинѣ раздается сельская музыка; эхо повторяетъ звуки веселія; цвѣты, примѣтно распускаясь, разливаютъ по воздуху плѣнительное благовоніе; лугъ представляетъ взору тысячу различныхъ прелестей. Но какъ скоро сей лучезарный кругъ затмится, вся природа погружается въ печальную меланхолію. Небеса покрываются мракомъ; птицы подъ крылья прячутъ головы свои; пастухъ въ безмолвіи бросаетъ свирѣль свою, и — на милую подругу свою взираетъ не столько нѣжными и веселыми глазами; звуки радости умолкаютъ; страшныя рыканія

наполняютъ лѣсъ ужасомъ; одна дикая сова радуется, думая, что она ощущаетъ приближеніе ночи.

Такъ, такъ точно отчаяніе, водворившись въ душѣ нашей, жизнь нашу отравляетъ скорбію и печалію, когда *Богъ* и *вѣра* насъ оставляютъ!

Се солнце во обиліи изливаетъ лучи свои. Будучи неистощимо въ дарахъ своихъ, оно озаряетъ отъ конецъ до конецъ вселенную, и всѣ твари радуются. Играющіе лучи его покрываютъ Востокъ румяностію, и горы Запада озлащаются блескомъ его. Льдистыя страны Норда согрѣваются между тѣмъ, какъ обширныя долины полудня озарены уже свѣтомъ его. Равномѣрно заслуга безцѣнныя крови *Искупителя* распространяется до послѣднихъ предѣловъ міра.

Боже Всемогущій! повели *Евангелію* Твоему, пріявъ крылья радостнаго утра, слѣдовать подобно солнцу въ теченіи своемъ; повѣли, дабы оно распространилось между всѣми народами, начиная отъ тѣхъ, которыхъ кровь замерзла отъ льдовъ и мразовъ даже до тѣхъ, которыхъ пожигаютъ опаляющіе лучи солнца; повѣли, дабы вся вселенная, познавъ имя Твое, покланялась Тебѣ духомъ и истиною; повели, дабы враги ученія Твоего расторгнули покрывало ослѣпляющее сердце ихъ; и дабы весь родъ человѣческій, просвѣтившись *благодатію* Твоею, всегда единымъ *откровеніемъ* былъ управляемъ. Когда, когда настанетъ сія знаменитая и священная эпоха!

III.

Роса.

Человѣкъ, обозрѣвши небеса, съ удовольствіемъ обращаетъ взоръ свой на поверхность земную. Росныя капли, будучи гораздо блистательнѣе хрусталя, такъ какъ *призмы*, отбрасываютъ ему яркіе и разноцвѣтные лучи свои. Унизся надменный камень, блистающій на главѣ Монарховъ; колико бы ты былъ презрѣнъ предъ сими драгоцѣнными каплями, естьли бы онѣ имѣли твердость твоей подобную! Но къ сожалѣнію, сіяніе, отъ нихъ изливаемое, ихъ погубляетъ и уничтожаетъ!

Роса! прохлада твоя сколь пріятна и животворна! но вотъ, — вижу я, солнце лучами своими преобращая тебя въ легкій паръ, подъемлетъ на высоту атмо-

сферы. Мы *тебя* лишились! Но тихая нощь прïидетъ снова наполнить чашечки цвѣтовъ влажнымъ дыханïемъ своимъ; — наполнитъ, и дастъ новую силу и живость ослабѣвающимъ растенïямъ.

Провиденïе имѣетъ безконечное множество средствъ къ сообщенïю плодоносïя въ лоно природы! Когда *роса* не падаетъ на землю, сгущенныя и мрачныя облака покрываютъ твердь небесную; сорвавшïеся съ цепей вѣтры разносятъ ихъ по лицу земли; громъ гремитъ — и отъ его ударовъ тучи разверзаются; обильный и стремительный дождь низпадая, наводняетъ ровнины и увеличиваетъ пѣнящïяся рѣки. Тотчасъ легкïй паръ, столь тонкïй, что око наше примѣтить его не можетъ; столь тихïй, что отъ паденïя его нѣжный листокъ розы не опадаетъ; —

тотчасЪ сжимается и сгущается, блещетЪ вЪ видѢ хрустальныхЪ каплей и исчезаетЪ. ПосредствомЪ различныхЪ, или противныхЪ дѢйствій, но кЪ одной цѢли стремящихся *животворность*, сокрытая вЪ лонѢ водЪ, *проницаетЪ* землю и *произращаетЪ* безчисленныя растенія, доставляющія намЪ или пріятное благоуханіе, или полезные плоды. Роса и дождь насильственно исторгаютЪ изЪ земли плодоносіе.

Сему подобно, зналЪ я людей, употреблявшихЪ насильственныя средства кЪ исторженію себя изЪ оковЪ порока; зналЪ довольно! *Всемогущій* предсталЪ упорнымЪ ихЪ сердцамЪ, подобно какЪ Израильтянамъ при СинаѢ сЪ молніею — во очахЪ, и сЪ прещеніемЪ — вЪ слухЪ ужасЪ наводящемЪ; предсталЪ; — совѢсть ихЪ, пораженная

гнусностію порока и страхомъ небеснаго мщенія, вострепетала, и поколебалась подобно горамъ, которыхъ внутренность потрясаютъ страшныя лавы. Мучительныя угрызенія, ужасныя страданія предшествовали *новому* ихъ *отрожденію*. Они были доведены до послѣдней крайности, будучи объяты отчаяніемъ дотолѣ, пока обрѣли покой и благо во объятіяхъ *Божіихъ*.

Другіе напротивъ призваны *ко оправданію* гласомъ кроткимъ и ласковымъ. *Отецъ духовъ* тихо коснулся покорнымъ сердцамъ, и съ кротостію привлекъ ихъ къ любви своей. Все-проницающая *благодать* взошла во утробу ихъ такъ, какъ *роса* въ нѣдра земли, и — чада погибельныя непостижимо прешли отъ смерти къ жизни,

отъ состоянія греховнаго къ состоянію чистоты, невинности.

Всесильный и Всеблагій Боже! привлеки всѣхъ насъ во объятія Своя или страхомъ Своего гнѣва, или прелестію любви Своей. Порази насъ оружіемъ обличенія, или обрадуй благоволеніемъ и милостію. Привлеки, ими же вѣси судьбами, толькобъ мы не погибли.

IV.

Поле.

Взойдемъ на сей холмъ, и дадимъ волю глазамъ обозрѣвать всѣ предметы близь-лежащаго *поля.* Какая плѣнительная *перспектива!* сколь она обширна! сколь разнообразна! съ какимъ удовольствіемъ смотритъ на все ненасытное око! — Сія *ровнина* заключаетъ въ себѣ безчисленныя сокровища природы;

здѣсь возрастаетъ множество различныхъ классовъ въ пищу для милліоновъ существъ; здѣсь открывается очамъ Философа великая книга. Щастливъ пустынножитель, все свое удовольствіе полагающій въ чтеніи оной! Здѣсь каждой предметъ представляетъ ему доказательство благотворной десницы *Всемогущаго*! Здѣсь среди довольства и покоя видитъ онъ *Вседержителя* управляющимъ всѣми колесами міра, и изъ обѣихъ рукъ своихъ ліющимъ на всѣхъ жизнь и благоденствіе.

Уже *поле* златится дарами Цереры; класы при лучахъ солнечныхъ развертываются; зерно пшеничное разцвѣчиваясь приходитъ въ созрѣніе; радостный земледѣлецъ, видя возрастающею надежду свою, благословляетъ *Верховное*

Существо, увѣнчавающее успѣхомъ труды его.

Луга украшаются натуральными гирландами; тысячи разновидныхъ травъ, возрастая, бодрому волу обѣщаютъ подкрѣпительную пищу дотолѣ, пока земля, снѣгами покрывшись, отъ льдовъ и мразовъ не окаменѣетъ. Тихой и прозрачной *ручей*, извиваясь въ широкихъ кривизнахъ, никогда не выходитъ изъ береговъ своихъ; цвѣты, близь его растущіе, отъ влаги въ корнѣ ихъ скрывающейся, сохраняютъ краски свои при полуденномъ жарѣ; твердь небесная зритъ образъ свой начертаннымъ въ семъ естественномъ зеркалѣ, между тѣмъ какъ молодая и уединенная ива болѣе нѣжится отъ орошеній его. Тысячи рыбъ плавая въ струяхъ — возвышаясь и опускаясь, кружась и

играя привлекаютъ мимоходца, которой алчнымъ окомъ разсматривая добычу свою, поставляетъ для ихъ вѣроломную уду. Но ручей сей, — подобіе благотворительнаго человѣка, переливаясь въ серебристыхъ волнахъ своихъ, несетъ въ отдаленность обиліе, чистоту и прохладу.

Смѣжные съ нимъ *скаты* покрыты богатыми пажитями; сильной волъ отъ злака ихъ укрѣпляется; агнцы, играя на нихъ, утучняются, необузданный конь, ударяя о землю ногами своими, бѣжитъ и научаетъ малодушнаго смѣло презирать неизбѣжную опасность.

При подножіи сихъ скатовъ, безмолвный *лѣсъ*, коего многолиственныя древеса скрываютъ вершины свои въ облакахъ, привлекаетъ въ прохладную тѣнь свою Философа —

человѣка, любящаго размышлять въ отдаленіи отъ шума градскаго. Онъ служитъ логовищемъ дикимъ звѣрямъ, и пристанищемъ свободнымъ птицамъ; а вскорѣ можетъ быть, онъ будетъ подпорою сводовъ въ домахъ нашихъ, или станетъ нагрѣвать очагъ дряхлаго старца, приводящаго себѣ на память прекрасные дни своей юности, и любящаго пересказывать исторію древнихъ заслугъ своихъ. Увядшій *верескъ* прикрываетъ кору древесную, и подобно тѣнямъ съ точностію наблюдаемымъ въ картинѣ, онъ придаетъ новую величественность странѣ сей. Цѣлительныя травы во обиліи растутъ на сей отлогости; самыя закоренѣлыя и самыя опасныя болѣзни уступаютъ силѣ благотворнаго сока ихъ. Лихорадка утихаетъ въ сотрясаніи своемъ; кровь обра-

щается съ большимъ равновѣсіемъ и скоростію, разслабленное тѣло подкрѣпляется, и здравіе, драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ благо, цвѣтами украшаетъ главу веселящихся.

Отъ лѣса мало различествуетъ рослый и обширный *садъ*. Плодоносное дерево, гораздо полезнѣйшее надменнаго вяза, представляетъ мнѣ самую плѣнительную картину. Сердце мое трепещетъ отъ радости, предчувствуя обиліе, которымъ Осень скоро обогатится. Цвѣты уже разливаютъ бальзамъ вокругъ деревъ, воздухъ наполненъ благовоніемъ; плодъ, выходя изъ нѣжной чашички, со всѣхъ сторонъ обнаруживается въ маломъ отпрыскѣ. Летай теперь легкій Зефиръ, пріиди благотворительная Флора; а ты, — стремительный борей! укроти губительныя дуновѣнія свои, — поща-

ди юность плодовъ сихъ! Пусть въ грушѣ переливается сокъ ея; пусть она дотолѣ разцвѣчивается отъ лучей солнечныхъ, пока созрѣетъ и приспѣетъ время сорвавъ оную, украсить ею умѣренный столъ свой сельскому жителю; пусть слива дотолѣ нѣжится въ тишинѣ подъ сѣнію древесною, доколѣ она не дойдетъ до вкусной зрѣлости, и доколѣ прелестная кожица ея не покроется мшистымъ бархатомъ; пусть румяное яблоко — украшеніе садовъ нашихъ дотолѣ не упадаетъ на сухую землю, доколѣ солнце мало помалу не разцвѣтитъ его, и оно созрѣвши, не наполнитъ окружающій ея воздухъ пріятнымъ запахомъ. Вскорѣ оранжереи наши наполнены будутъ всякими плодами. Раздраженный вкусъ нашъ найдетъ въ нихъ умѣренную пищу

во время утра, пріятную и цѣлительную прохладу въ жаркіе полудни. Нѣкоторые изъ нихъ мѣдленно зрѣя, висятъ до холодныхъ снѣговъ и пушистыхъ иніевъ. Осень придаетъ имъ большую сочность; а Зимой они поспѣваютъ во множествѣ для украшенія столовъ нашихъ. Какъ мило смотрѣть на нихъ по окончаніи обѣда въ великолѣпномъ *дезертѣ*, или — видѣть какъ искусная рука жметъ ихъ въ чашу! Скоро они будутъ пѣниться въ стаканахъ нашихъ, и доставятъ намъ напитокъ сколько крѣпкій, столько же пріятный.

Какъ тѣсно сплѣлись густыя липы вокругъ плодоноснаго сада. Тѣнь ихъ охраняетъ воздушные плоды отъ сильнаго дуновѣнія сѣверныхъ вѣтровъ: однако сквозь тѣсныя липовыя вѣтьви примѣтны довольныя отверстія, чрезъ которыя

земныя овощи оживляются лучами полуденными. Я примѣчаю въ садахъ многихъ простую и малую *республику*. Здѣсь не видно великолѣпныхъ дворцовъ; но все украшено милою *простотою*. Здѣсь не видно *пышности* и *тщеславія*, да вездѣ примѣтны самыя рѣдкія качества, — *чистота* и *скромность*. Премудрая десница раздѣлила землю на тѣнистыя аллеи и на полосы, усаженныя цвѣтами. Все по повелѣнію *Творца* растетъ на своемъ мѣстѣ. Нѣтъ здѣсь никакого разстройства, — вездѣ царствуетъ порядокъ, вездѣ примѣтны искусный размѣръ и любезная симметрія. Здоровье и веселость летаютъ на крыльяхъ по симъ аллеямъ. Между множествомъ травъ нѣтъ ни одной, которая бы обременяла землю напрасно. Малѣй-

шее растеніе служитъ для человѣка или сладкою пищею, или спасительнымъ лѣкарствомъ. Каждое время года приноровляетъ произведенія свои вліянію воздуха и сложенію нашего тѣла. Обладатель безцѣнной земли сей позавидуетъ ли участи безпокойнаго вельможи? . . . Трудолюбивой земледѣлецъ всякой день прогуливается среди мирныхъ своихъ подданныхъ; — каждое сберегаемое имъ деревцо, принося ему плодъ, платитъ безъ принужденія добровольную дань; работаетъ поселянинъ, — нужды его удовлетворены, вкусъ пресыщается услажденіями, зрѣніе блуждаетъ по прелестямъ цвѣтовъ, всѣ чувства погружены въ неизъяснимое удовольствіе.

Но вотъ, — съ одной стороны представляются взору моему неизмѣримыя *горы*; вершины ихъ

теряются въ облакахъ; Это границы природы! Ужасныя скалы ихъ наклонясь, составляютъ чудной сводъ надъ хижиною земледѣльца. Они, поражая страхомъ путешественника, заставляютъ его при размышленіи о себѣ задумываться. На вершинѣ горъ близь множества ужасныхъ стремнинъ, — среди тысячи дикихъ скалъ видна зеленѣющаяся *долина*, орошаемая чистымъ и прохладнымъ источникомъ. Здѣсь природа, погруженная въ меланхолію, принужденно улыбается. Прошедъ сію долину, вижу я отверстыя *пропасти* и *подкопы*; трудолюбіе туда низходитъ съ орудіями, раздирающими утробу земную, и извлекаетъ оттуда безцѣнныя сокровища. Послѣ искусство способствуетъ трудолюбію, и изъ глубины безднъ извлеченныя безобразныя глыбы мрамора пре-

образуются рукою зодчаго въ рѣдкость природы. Роскошь украшаетъ ими гордые куполы и позлащенные карнизы своего обиталища.

Съ другой стороны неизмѣримое и глубокое *море* ограничиваетъ взоръ мой. Какое множество твореній обитаетъ въ нѣдрахъ его! Это водоемъ цѣлой вселенной. Оно источаетъ всѣ воды, разливающіяся по поверхности земнаго шара. Непримѣтной ручеекъ, извивающійся въ ужасныхъ и непроходимыхъ пустыняхъ, — малѣйшее облако, висящее надъ главами нашими, получаютъ начало свое въ семъ неисчерпаемомъ источникѣ. Торговля производится на берегахъ его: Купецъ печалится, видя возвышающіяся съ ревомъ волны; надежда его колеблется. Но се — буря утихаетъ, тихій и благопріятный вѣтеръ надуваетъ парусы спокой-

ю. Пловецъ съ радостію входитъ на слабое судно; крикъ матросовъ разливается въ воздухѣ. Мореплаватель несется въ самые отдаленные предѣлы свѣта, находитъ новые народы, и — дѣлается, другомъ ихъ, — Доброму человѣку цѣлый міръ отечество....

Видъ сего великолѣпія и разнообразія остановилъ дѣйствія души моей. Какое пріятное зрѣлище, когда улыбающіяся *пажити* наши покрыты бываютъ стадами, — пастухами и — когда въ долинѣ раздаются громкія пѣсни ихъ! Кто не захочетъ участвовать въ общей радости? Кто съ ними не возчувствуетъ живаго удовольствія? И когда Отецъ природы льетъ щедроты на чадъ своихъ, кто отречется питаться струями благотворенія Его? Сердце мое разширяется; удовольствіе потрясаетъ

всѣ мои нервы. Сколь щастливы обитатели мѣстъ сихъ! Что еще можно присоединить къ вашему блаженству? Какъ мнѣ изъявить вамъ восторгъ свой? Мои желанія для васъ безполезны. Вселенная дивится вашему жилищу, вашему покою. Сердца добродѣтельныя! для васъ Вѣчный положилъ основаніе вселенной, для васъ, расторгнувъ мрачную завѣсу, образовалъ Онъ природу столь милую, и столь прекрасную природу. Онъ усѣялъ твердь небесную блистающими звѣздами для прельщенія взоровъ вашихъ; земля покрыта дерномъ для вашихъ удовольствій; для васъ тихое дуновеніе вѣтровъ разливаетъ по атмосферѣ пріятныя и легкія испаренія; — отъ нихъ вы получаете большую живость; Десница его воздвигла горы, дабы доставить вамъ прохладныя и уединен-

ныя долины. Наслаждайтесь сими невинными удовольствіями. Городской житель, естьли вамъ не позавидуетъ, конечно онъ не столько, какъ вы, чувствителенъ.

Около перста Всемогущаго вращаются времена и лѣта; Онъ управляетъ всѣми кругами небесными; Онъ движетъ пружинами природы и — дѣятельность разширяется во всѣхъ твореніяхъ. Вселенная находится въ десницѣ Его. Порядокъ и стройность Его суть благодѣянія. Естьли бы воля и премудрость безконечная не управляли дѣйствіями природы: то Вселенная превратилась бы въ Хаосъ, и звѣзды, сіяющія въ небесахъ, давно бы померкши, низпали въ ужасную пропасть.

Естьли виноградъ услаждаетъ насъ пріятнымъ и плѣнительнымъ сокомъ своимъ; симъ мы одол-

жены благости Творческой; естьли хлѣбъ питаетъ и подкрѣпляетъ силы наши, это дѣйствіе благотворенія Его; естьли нѣжная мелодія, раздающаяся по рощѣ, плѣняетъ слухъ нашъ; естьли соловей очаровываетъ насъ громкимъ пѣніемъ своимъ: — не забудемъ, что *Богъ*, все сіе устроилъ, сотворивый Весну. Отъ Его небесъ каплющимъ росамъ одолжены мы сладкою винною ягодою, сочнымъ персикомъ и мускуснымъ обрикосомъ. Онъ изливаетъ благовоніе въ жесминѣ и розѣ. Онъ образовалъ чашечки всѣхъ сихъ цвѣтовъ, которые мы безъ вниманія попираемъ ногами своими, и безъ уваженія наслаждаемся ароматами ихъ. Естьли бы всѣ сіи творенія могли дѣйствовать голосомъ нашимъ: безъ сомнѣнія они употребили бы его на похвалу имяни Создателя: „Мы раби Того, ска-

„зали бы онѣ, кто за васъ, чело-
„вѣки! умеръ. Онъ насъ сотворилъ
„для того, чтобъ мы были хра-
„нилищами утѣхъ, которыя Верь-
„ховная благость захотѣла вамъ
„ущедрить. Не думайте, чтобъ
„мы не могли служить ни къ ва-
„шему удовольствію, ниже къ ва-
„шему утѣшенію: Божественная
„сила, дѣйствующая въ насъ, на-
„зидаетъ благосостояніе ваше. Мы
„служимъ вамъ, чада человѣчи!
„по тому что вы только въ благо-
„дарность за насъ способны любить
„Бога и покланяться Создавшему
„всяческая. Вы токмо существа
„чувствительныя, разумѣющія вку-
„шать сладости наши съ благо-
„говѣніемъ, и могущіе благослов-
„лять благодѣющаго вамъ Бога,
„яко дѣти нѣжныя и сынове при-
„верженныя.„

V.

Благоуханіе, колорисЪ цвѣтовЪ и кратковременность ихЪ.

ОставивЪ холмЪ, снидемЪ вЪ безмолвную долину. Лестно наслаждаться различными удовольствіями. Здѣсь — при разсматриваніи природы, не льзя притти вЪ такое изступленіе, которое, приведши вЪ оцепѣненіе сердце, погружаетЪ душу вЪ глупое удивленіе; но при каждомЪ предметѣ раждаются тѣ чистыя чувствованія, тѣ пріятныя размышленія, тѣ нѣжные восторги, которыхЪ изъяснить не можно. ИхЪ ощущаетЪ тотЪ только щастливый смертный, который умѣетЪ наслаждаться ими.

Здѣсь Природа облачена не вЪ величественную порфиру, но украшена простою, прелестною одеж-

дою. Ея убранство — букетъ цвѣтовъ; чистой источникъ орошаетъ перси ея; здѣсь любимцы рѣдкостей находятъ веселое занятіе. Очи мои ослабѣваютъ, взирая на толикое множество красотъ. Различныя прелести влекутъ меня въ чащу сію. Пространные луга подъ стопами. Какое усладительное уединеніе приготовила для меня Природа! Сей мшистой коверъ приглашаетъ меня къ успокоенію.

Въ сихъ-то величественныхъ мѣстахъ великіе люди почерпнули вкусъ ко всему великому и прекрасному. Подъ сею-то тѣнистою рощею они открыли полезныя истины, озаряющія насъ нравственно; Здѣсь-то наконецъ я хочу провесть остатокъ дней моихъ. Природа мнѣ сообщила склонность къ ученію; на семъ тернѣ предамся я сладкому размышленію; —

Небесная истина снидетъ въ душу мою.

Какой усладительной запахъ! Я дышу пріятнымъ благовоніемъ цвѣтовъ. Фиміамъ, наполняющій весь воздухъ, плѣняетъ обоняніе мое. Жасминъ съ розою, нѣжно между собою сплетенныя, украшая сіе уединенное мѣсто, и играя съ зефирами, изливаютъ тысячи ароматныхъ капелъ изъ чашечекъ своихъ. Какое сильное побужденіе исторгнуться изъ оковъ самопроизвольной смерти, изъ узъ лѣности! *Вѣчный* приготовилъ утѣхи сіи для бодрствующаго человѣка. Чувственный празднолюбецъ пробудившись, видитъ солнце въ полуденномъ уже сіяніи его; нѣжные цвѣты наклоняютъ увядшую головку свою; восхитительное зрѣлище прекраснаго утра изчезло; воздухъ потерялъ свою свѣжесть, и

премѣнился въ знойную жидкость.

Но — какой священной восторгъ! и какое душевное удовольствіе долженъ былъ ощущать *первой человѣкъ*, когда онъ увидѣлъ *утро* перваго дня во вселенной; *утро*, оживленное первыми лучами солнечными; *утро*, наполненное неповрежденнымъ, — чистымъ благоуханіемъ цвѣтовъ новорожденныхъ? Тогда онъ, обращая изумленные взоры свои на красоту міра такъ непремѣнно, такъ возбуждалъ отъ сна спящую подругу свою, свою вѣрную помощницу: „Пробудись! „свѣтъ блистаетъ надъ главами „нашими; пріятная прохлада вы„зываетъ насъ въ зеленые луга; „нѣжные цвѣты благовоніемъ сво„имъ наполняютъ воздухъ; оживленіе и крѣпость готовы пройти „всѣ наши чувства и нервы; баль-

„замическія растенія, попираемыя „нашими ногами, послужатъ намъ „въ пищу и лѣкарство. Природа „изготовляетъ для насъ пиръ ве„ликолѣпный; угощеніе ея преизо„бильно. Воспользуемся ея дарами. „Щедрота ея искрення. Пробудись!„ Да внушитъ благодѣтельный Геній, да внушитъ трогательныя слова сіи всѣмъ погруженнымъ во снѣ, удаляющемъ отъ чистыхъ удовольствій! — Тамъ нѣга разслабляетъ чувства; здѣсь движеніе подкрѣпляетъ силы: тамъ неумѣренность въ прихотяхъ вредитъ кровь и сердце; здѣсь излишество не изнуряетъ органовъ нашихъ тучностію. Тѣло укрѣпляется, душа спокойна, удовольствіе непрерывно, завидное состояніе!

Въ цвѣтахъ какой огнь красокъ! какая живопись! какая нѣжность! какое различіе и богатство! — Одни

величавы и живы; другіе нѣжны и пріятны. Рубинъ пурпуровою своею краскою и Сафиръ синею своей лазурью спорятъ между собою. Вездѣ примѣтны живые и привлекательные оттенки. Природа, искуство и вкусъ вмѣстѣ по видимому совокупились для содѣланія сей пустыни чертогомъ удовольствія. Какая тонкая кисть умѣла соединить сіе различіе красокъ! Какая искусная рука умѣла произвесть его цвѣты! Тамъ они разбросаны случайно и перемѣшаны, здѣсь усажены порядкомъ и въ симметріи. Вездѣ примѣтны простота и роскошное изобиліе. Цвѣтъ, зелень и тѣни искусно смѣшанные представляютъ совершенную противообразность и волшебное согласіе. Сколь премудро расположеніе, на которомъ основаны сіи сокровищи!

Какой урокъ твердой надежды представляетъ намъ зрѣлище сіе! Естьли *Провидѣніе* непрестанно печется о соблюденіи сихъ зависимыхъ существъ; естьли Оно благоволило сихъ лишенныхъ чувствованія тварей облачить въ столь блистательное убранство: то ввѣритъ ли Оно нерадивымъ рукамъ стараніе о своихъ любезныхъ чадахъ?

Сколь щастливо состояніе мое! Когда я лежу простертъ на зеленомъ коврѣ, тогда меланхолія можетъ ли притупить чувствованіе различныхъ услажденій? Сіи живые цвѣты, сіи ароматные кусты, проницая всѣ чувства сообщаютъ душѣ моей непрерывное удовольствіе.

Сколько разъ прекрасный весенній вечеръ, разсѣевая печальныя мои мысли, давалъ новыя силы унылому моему духу! Я не удивляюсь, видя

Царей, сходящихъ съ своихъ троновъ, и удаляющихся изъ великолѣпныхъ своихъ чертоговъ для прогулки въ садахъ и рощахъ; не удивляюсь, видя Вельможей, оставляющихъ скучныя и мрачныя свои жилища, позлащенныя кареты, дабы дышать свѣжимъ воздухомъ, развѣваемомъ тихими вѣтрами по зеленому лугу. Но естьли одно созерцаніе природы столь плѣнительно и дратоцѣнно, то какое ощутимъ мы удовольствіе при *лицезрѣніи* самого *Создателя*? Въ присудствіи Его, недовѣдомыми утѣхами смертнымъ наполнятся сердца наши. Радость и услажденіе наше тогда будутъ безконечны, когда мы будемъ озарены лучами славы Его.

VI.

Различіе цвѣтовъ; — совершенство и простота дѣлъ Творческихъ.

Какое множество цвѣтовъ! какое удивительное разнообразіе! Вездѣ я усматриваю плѣнительную новость, соединенную съ *совершенствомъ* и *простотою*. Нѣкоторые цвѣты величественно возвышаютъ свои головки, и подобно Самодержцу въ государствѣ, отличаются въ цѣломъ цвѣтникѣ; другіе, будучи гораздо скромнѣе и не столь величавы, не смѣютъ возвышать стебля своего, и вершинки ихъ покоятся на стеблѣ; прочіе украшены бахрамою и изпещрены тысячею красокъ. Одни въ простомъ убранствѣ непорочны какъ *дѣва*, и *чисты* какъ *добродѣтель*; другіе, будучи украшены въ царскую багряницу, украшаютъ

садѣ и дѣлаютъ особенную честь Вертоградарю.

Въ убранствахъ природы никогда не было черной краски, — сего печальнаго и мрачнаго цвѣта, напоминающаго жалкія сцены. Траурныя одежды несвойственны природѣ. При благорастворенномъ воздухѣ, она всегда представляется благолѣпною и веселою. Въ ясное время она непрестанно вдыхаетъ пріятныя мысли; прелести ея плѣняютъ душу мою. Какой восторгъ; Тысячи блистающихъ цвѣтовъ спорятъ предъ очами моими въ преимуществѣ красотъ своихъ. Я наслаждаюся прелестію ихъ и благовоніемъ. Всѣ они равно заслуживаютъ похвалу мою и — я остаюсь въ нерѣшимости.

Сколь превосходны творенія Твои, *Создатель природы*! Пре-

мудрость Твоя произвела сладкое удовольствіе для наслажденія мудреца. Но — для чего не позволено пылкому воображенію моему обьять неизмѣримость намѣреній Твоихъ, и возчувствовать всю важность зримыхъ дѣлъ Твоихъ! Нещастной, ограниченной человѣкъ сколько ни трудится, сколько ни заботится о совершенствѣ дѣлъ своихъ; но они всегда остаются несовершенными. Усиліе ума и напряженіе чувствъ вы всегда ниже Природы. Верховный Архитекторъ все созидаетъ однимъ словомъ; совершенство и всѣ естественныя прелести повинуются волѣ Его. Богъ хощетъ, и — всѣ чудесамъ Его удивляются съ веселіемъ и восторгомъ. Заблужденіе непрестанно гоняется за пустыми предпріятіями; притомъ непримѣтно ядомъ своимъ разтворяетъ открытія благородныхъ знаній.

Истина не нравится смертнымъ, когда она обнаженною кажется слабымъ очамъ ихъ; они любятъ прикрывать ее мантїею баснословїя и завѣсою иносказанiй, дабы взоры ихъ не были поражены оною. Перемѣна и легкомыслїе каждой день унижаютъ цѣну совершеннѣйшихъ произведенiй искуства. Отвращенїе близко слѣдуетъ за удивленїемъ. Но — протекли миллїоны вѣковъ, и — творенїя Всемогущаго не были еще предметомъ скуки и отвращенїя. Отъ того мгновенїя, какъ ничтожество породило бытїе, даже доселѣ не престаютъ удивляться имъ. Изумленїе ежечасно заимствуетъ новыя силы отъ вниманїя, употребляемаго на созерцанїе творенiй. Въ совокупности все плѣнительно, и въ частности взятое все чудесно.

Какія краски и какую кисть употребилъ небесный Живописецъ для украшенія и изпещренія порфиры, покрывающей природу? Всемогущая десница едва положила умственное веществъ начало, и вдругъ родилась бездна дѣятельныхъ причинъ. Влажность земли и благорастворение воздуховъ, окружающія вселенную, изтекаютъ изъ того же источника. — и онѣ-то одни производятъ всѣ сіи чудеса. Онѣ тонко проходятъ въ маленькія жилки моха покрывающаго землю, и постепенно восходятъ до вершины самыхъ высокихъ кедровъ. Нѣдрясь въ корнѣ, кругообращаясь въ невидимыхъ каналахъ древеснаго ствола и соединяяся съ побѣгами малѣйшихъ отпрысковъ; онѣ способствуютъ растеніямъ цвѣсти и приплождаться. Прежде раждаются листья, послѣ цвѣты, нако-

нецъ плодъ. Лѣса, становятся темными, приготовляютъ намъ прохладную тѣнь, возбуждающую въ насъ самыя усладительныя размышленія. Одна простая и единообразная причина производитъ всѣ дѣйствія, плѣняющія насъ весною и устрашающія во время зимы. Она же самая способствуетъ кругообращенію сока въ жилкахъ шелковичной ягоды; она-то раздѣляется на маленькіе листочки для позлащенія крѣпительной и цѣлебной *шепталы*; она-то въ садахъ нашихъ растворяетъ пріятныя испаренія; она-то нѣжному зефиру повелѣваетъ *бальзамировать* природу. И капли, составляющія въ нѣдрахъ Аравіи благовонную смолу, суть ея драгоцѣнныя слезы.

Какое различіе въ *нераздѣлимыхъ* одного и того же рода! Въ цѣлой рощицѣ тюльпановъ, и въ

группѣ гвоздичекъ одна только, или двѣ украшены и расположены одинакимъ образомъ. Всѣ они, кажется, принадлежатъ одному роду; но каждой цвѣточикъ свое имѣетъ украшеніе и свое частное расположеніе. Нѣтъ двухъ существъ въ природѣ одинаковыхъ. И такъ пусть нѣкоторые изъ собратій нашихъ отличаются отъ насъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ; но — въ разсужденіи важныхъ предметовъ мы соединены тѣсно. Слабыя несходства, мнимыя преимущества, увеличиваемыя понятіемъ да не воспрепятствуютъ намъ быть друзьями. Да не будетъ между нами ни въ чемъ такой ревности, какъ только въ послѣдованіи Божественному наставнику нашему, — *Христу*, въ чистѣйшемъ образѣ житія, въ изъявленіи большаго другъ предъ другомъ жара взаимно благодѣтельствовать.

VII.

Правильный порядокъ цвѣтовъ; прiятныя слѣдствiя, произтекающiя изъ сего устройства.

Что удивительнѣе для насъ правильнаго порядка, въ которомъ одинъ родъ цвѣтовъ послѣдуетъ другому. Между тѣмъ, какъ одни цвѣты разточаютъ для насъ прелести свои, множество другихъ, прозябая еще въ лонѣ земли, прiуготовляютъ намъ новыя удовольствiя. *Лилея*, пробиваясь сквозь льдовъ, первая возникаетъ въ весеннее время. Не страшась холоду, облеченная въ одежду невинности, подобно цѣломудренной невѣстѣ, исходитъ она воздать первую дань года трудолюбивому вертоградарю. За нею *Шафрановой цвѣтъ*, опасающiйся стремленiя порывистыхъ вѣтровъ, выростаетъ мало помалу.

Онѣ, не смѣя слишкомъ протягать стебля своего, подобно горлицѣ, укрывающейся отъ кречета, прячетъ боязливую свою головку подъ пушистыя вѣтви; прячетъ, дабы не подвергнуться жестокости вихря и бури. Въ семъ блистательномъ посольствѣ земныхъ украшеній показываетси далѣе *Фіалка*; съ простыми прелестями своими, будучи достойна украшать вертограды Царей, она окружаетъ частоколы наши, и растетъ при корени кустарниковъ; она щедро безъ надменія разливаетъ бальзамъ благовоній своихъ, полагая въ томъ всю славу свою, дабы доставить зрителямъ удовольствіе. Она есть выразительная *емблемма* тѣхъ скромныхъ добродѣтелей, которыя въ молчаніи и неизвѣстности изливаютъ благотворенія свои на нещастныхъ, не смотря на то, что

собственное ихъ нещастіе требуетъ помощи. — Увялъ, увялъ душистой *многоцвѣтникъ*, составлявшій особенное украшеніе грядъ нашихъ увялъ, — но не онъ ли пересаженъ на окны? Не онъ ли, служа преградою *лучамъ солнечнымъ*, доставляетъ намъ прохладную тѣнь и не столь спиртоватое благовоніе? Я видѣлъ, видѣлъ много также увядшихъ въ крѣпости силъ своихъ и въ блескѣ ихъ славы; когда не ожидали, тогда наклонили они гордую свою выю, — смерть ихъ внезапно скосила. Но не ихъ ли тлѣніе, уповаемъ мы, облечется въ нетлѣніе? Не они ли, преобразившись въ безсмертіе, усугубятъ нѣкогда всеобщую избранныхъ радость и веселіе? — За *многоцвѣтникомъ* ты уже грядешь утѣшить насъ въ потерѣ, ты прелестной и любезной цвѣтокъ, занявшій имя

свое отъ свирѣпаго медвѣдя, — *Ушко медвѣжье*; ты изпещрено тысячію красокъ; на головкѣ твоей блеститъ кристалъ, одежда твоя подобна глянцовитому атласу; ты изливаешь въ воздухѣ услادительной запахъ, рѣдкія преимущества твои содѣлали тебя любимцемъ садовника. Однако всѣ его старанія не могутъ предохранить тебя отъ общаго закона; пріятной запахъ твой и красота не укроютъ тебя отъ ударовъ рока; и васъ, съ особенными дарованіями, трудолюбцы! и васъ, отъ злобы завистниковъ не защититъ самая строгая предосторожность! Лесть и коварство недостойныхъ часто помрачаютъ самыя рѣдкія преимущества заслугъ подражаемыхъ. Се разцвѣтаетъ еще величественный *тюльпанъ*; онъ заставляетъ насъ на нѣкоторое время забыть поте-

ри наши; красивая головка его разцвѣчивается тысячью оттѣнокъ. Цѣль величавости его есть, нравиться взорамъ нашимъ. О! когда бы всѣхъ великихъ людей при достиженіи особенныхъ почестей одинаковое было намѣреніе: — не презирать, а нравиться подобнымъ! За тюльпаномъ слѣдуетъ *Анемонъ*: одежда его разпростерта, вершинка его увѣнчана гордымъ куполомъ, листвія его небрежно развѣваются; такъ-то гордится собою иногда, ничего незначущій смертный; блескъ фосфора обманчивъ. Въ томъ же самомъ мѣсяцѣ произрастаетъ трава *лютикъ*, иначе называемая *купальницею*: она, будучи прелестна и надменна, гордится богатствомъ своихъ листьевъ; она увеселяетъ насъ стройностію своей фигуры и блистательнымъ разнообразіемъ своихъ красокъ, Подобно

все мило и привлекательно въ опрятной и величавой юности; стройность ея и осанка придаютъ ей большую важность и отличіе. Но мнѣ кажется, природа совершеннѣйшею при окончаніи произведеній весеннихъ. Верховный *Владыко* живѣе представляетъ послѣднія украшенія нашихъ полей и вертоградовъ. Для увѣнчанія своихъ благодѣяній Онъ производитъ *гвоздичку*, которая, плѣняя взоръ нашъ разноцвѣтными красками, услаждаетъ обоняніе наше привлекательнымъ благовоніемъ. Сей цвѣтокъ, совокупляя въ себѣ всѣ качества, прежде описанныхъ нами цвѣтовъ, заставляетъ насъ забывать ихъ. *Гвоздичка*, какъ вѣрная подруга, твердо сопутствуетъ намъ среди всѣхъ перемѣнъ погоды. Другіе цвѣты живутъ одно только утро; они показываются намъ

для того только, чтобѣ оставить вѣ насѣ по себѣ сожалѣніе; но *гвоздичка* вѣчно, такѣ сказать, цвѣтетѣ вѣ садахѣ нашихѣ, и кѣ угожденію присоединяетѣ вѣрность. Какѣ урокѣ для сердецѣ, давшихѣ клятву любить другѣ друга постоянно, неизмѣненѣ!

Позволь мнѣ, священная Природа! возобновить дыханіе мое и вѣ холодную осень: ты не умерщвляешь чувствѣ моихѣ. Позволь мнѣ прилѣжнѣе разсмотрѣть прелестный, милый букетѣ цвѣтовѣ, покрывающій нѣжную грудь лѣпообразной невинности. Онѣ никогда не увядаетѣ; чистое Твое дуновеніе безпрестанно оживляетѣ его. Каждый день трудолюбивая юность украшается новыми прелестями. Удивительныя таинства Природы! для чего умѣ мой не можетѣ проникнуть вѣ сущность цѣли вашей,

вашего перелиянія и продолженія? Кто поощряетъ *златника* расти среди Февраля, и позлащенный шлемъ свой вверять суровымъ и вѣроломнымъ созвѣздіямъ зимы? Кто побуждаетъ различныя деревья распускать листвія и цвѣсть прежде, нежели тихое дыханіе весны проникнетъ, и освѣжитъ ихъ нѣжную кору? Кто способствуетъ различнымъ цвѣтамъ умѣрять стремленіе свое дотолѣ, пока теплое солнце умножитъ благовоніе, скрывающееся въ головкѣ ихъ? Кто, естьли не *Провидѣніе*, съ высоты престола своего мановеніемъ Десницы управляющее судьбою всѣхъ существъ? Но — погуляемъ еще въ сей *партеррѣ*; разсмотримъ каждое растеніе прилѣжнѣе; обратимъ взоры свои на сей *тюльпанъ*. Бабочка, не смотря на свое непостоянство, не можетъ оставить

его; безпрестанно отлетая, она прилетаетъ снова лобызать его. Вѣрно привлекательной цвѣтокъ сего стоитъ; не нѣтъ достойныхъ изъ искреннихъ подругъ, но вѣроломство имъ измѣняетъ. Посмотримъ на *жесминъ*: онъ нагибается и возвышается на подпорахъ терноваго дерева; пушистыя вѣтви его составляютъ тѣнистую бесѣдку, подъ его зеленью домовитая хозяйка укрывается отъ дневнаго жара. Здѣсь великолѣпный *пеонъ* гордо поддерживаетъ головку свою; тамъ печальный *гіацинтъ* преклонился на землю; величественная *лилея* захочетъ ли бѣлизну одежды своей перемѣнить на бахрамы блестящаго золота? Колонны, возвышающіяся среди ея чашечки, и златою канителью увѣнчанныя, къ блеску своихъ филенговъ присовокупляютъ алебастръ.

Какъ привлекательны великолѣпіе съ простотою!

Весьма часто кичливые наши умы ропщутъ на правильное разделеніе Божескихъ благодѣяній. Мы вступаемъ въ прѣніе съ Создателемъ міра въ разсужденіи нашей суетности; мы дерзаемъ обвинять пристрастно правосудіе Его, и воображаемъ, что жребій и состояніе наше моглобъ быть щастливѣе. Мы взираемъ завистливымъ окомъ на достоинства и чести такъ, какъ на отнятыя у насъ принадлежности. Но разсудимъ со вниманіемъ о правленіи Природы, распоряжающей самыми простыми растеніями, и - мы узнаемъ свою ошибку. Малѣйшая жилка состава ихъ, малѣйшая черта фигуръ ихъ, самая тонкая оттѣнка цвѣта ихъ не могутъ быть перемѣнены безъ уничтоженія свойственной

имъ пріятности. Никакой цвѣтокъ не можетъ быть исторгнутъ изъ всеобщей цѣпи безъ растроенія размѣра, царствующаго въ семъ классѣ творенiй. И, естьли *Всевѣдущiй* между сими малыми твореньми соблюдаетъ точную Гармонію: то оставитъ ли Онъ безъ вниманія знаменитую постепенность между разумными созданіями? Тотъ, Которой избралъ способнѣйшее время для возращенія бѣлой *буквицы* и для напитанія ея росою, можетъ ли пренебречь чадъ своихъ, и можетъ ли обмануться въ разсужденіи истинныхъ ихъ выгодъ? Тотъ, которой соединилъ систему произрастенiй столь совершенно, что малѣйшiй случай можетъ разрушить ее, попуститъ ли *случаю* управлять судьбами любезнаго своего народа?

Познай, слѣпотствующій смертный! познай, что Премудрость Божія никогда погрѣшить не можетъ. Будь увѣренъ, что во множествѣ существъ, живущихъ предъ твоими глазами, тебя перваго отлично назираетъ око Его. Естьли Святая воля Его поражаетъ тебя болѣзнію: не думай, чтобъ всегдашнее здоровье было бы для тебя высочайшимъ благомъ. Естьли ему угодно лишить тебя дѣтей твоихъ, не заключай, будто твое благоденствіе разрушено; по тому что надежда *твоя*, *полагаемая* на многочисленное семейство и знатность фамиліи, изчезла; Управляющій вселенною лучше тебя знаетъ, что для тебя полезно. Всѣ перемѣны, производимыя Имъ въ твоемъ состояніи, довольно разсмотрѣны и расположены по непреложнымъ законамъ *Всевѣденія*. И такъ

повергнись съ покорною преданностію волѣ Его; повергнись, и будь увѣренъ, что все то составляетъ великое для тебя благо, чего хощетъ *Верховное Существо.*

VIII.

Цвѣты сотворены для единаго человѣка; животные не чувствуютъ ихъ красотъ и благовоній.

Для человѣка Богъ сотворилъ цвѣты; онъ одинъ получилъ преимущественное право пользоваться прелестными сими существами. Воззрите на блистательныя *Царскія кудри*; размыслите о нѣжномъ *туберозѣ*; разсмотрите величество и блескъ всего цвѣтника, въ которомъ многоразличные цвѣты и ароматы спорятся объ удовольствіи плѣнять и восхищать

насъ; разсмотрите наконецъ всѣхъ сихъ животныхъ, питающихся въ нѣдрахъ Его, чувствуютъ ли они столько красотъ? Легкой конь никогда не останавливается примѣчать прелести прекраснаго цвѣтка; жирный волъ никогда не совращается съ пути, дабы насладиться пріятнымъ ихъ запахомъ. Они имѣютъ чувства для раздѣленія впечатлѣній грубыхъ предметовъ; а вкуса, различающаго тонкія и нѣжныя оныхъ качества, лишены.

Перьвой конецъ сего богатаго украшенія, говорятъ Философы, скрывается въ цѣлости зародыша; но естьли бы природа хотѣла только сберечь сѣмя произведенія, то на что сія блистательная ткань? На что столько украшеній, превосходящихъ всякое искуство? Естьли бы Природа, — сія всеобщая мать не

имѣла другой цѣли, какъ только соблюденіе зародыша, то умѣренная теплота лучше бы могла исполнить намѣреніе ея. Но видно, что цвѣты обогащены прелестными красотами для удовольствій человѣка. Такимъ *образомъ* они по праву насильно привлекаютъ къ себѣ взоръ нашъ. Прекраснѣйшіе изъ нихъ родятся предъ нашими жилищами; они ростутъ подъ нашею рукою; они испещряются въ глазахъ нашихъ, дабы большую укоренить въ насъ къ себѣ любовь; они стараются недостатки свои скрыть въ нѣдрахъ земли, представляя единственно прелестнѣйшіе виды. Они нарочно, кажется скапливаютъ благовонія свои къ утреннему и вечернему времяни, когда мы любимъ болѣе прогуливаться Въ сіи-то часы они бываютъ расточительнѣе въ своихъ имуще-

ствахъ и больше испаряютъ нѣжнѣйшихъ бальзамическихъ частицъ.

Человѣкъ, утѣха Творца, наперстникъ Провидѣнія! естьли Верховная благость тебя отличила; — отличи и ты себя своею признательностію. Между тѣмъ какъ въ красноречивомъ молчаніи всѣ творенія возвѣщаютъ величіе Божіе; присоедини и ты къ нимъ хвалу свою. Будь великимъ первосвященникомъ Природы; соедини гимны свои съ ихъ безмолвными жертвоприношеніями. Покланяйся сему Верховному благодѣтелю, которой излилъ блаженство на всѣ творенія. Онъ одарилъ тебя безсмертною и разумною душею; при блескѣ сего свѣтильника ты проникаешь вселенную, дабы воспріять надъ ней владычество. Частными своими увеселеніями ты одолженъ разуму; посредствомъ его ты вку-

шаешь все пріятнѣйшее, наслаждаясь неизобразимымъ удовольствіемъ; посредствомъ его ты находишь въ Природѣ тысячу красотъ, составляющихъ для тебя источникъ тысячи утѣхъ. Онъ есть небесный вождь, управляющій тобою во всѣхъ начинаніяхъ и содѣвающій тебя способнымъ къ удивленію дѣламъ Творческимъ. Онъ есть безсмертное начало, которое въ вѣкъ продлитъ твое блаженство. Когда природа потеряетъ красоту, тебя прельщающую; когда померкшій свѣтильникъ дня оставитъ подлунный міръ во мракѣ: ты одинъ переживешъ вселенную; ты одинъ будешъ наслаждаться созерцаніемъ твоего Бога; ты одинъ будешъ озаренъ лучами славы Его. О сколь ты великъ, смертный! чувствуешъ ли преимущественное свое отличіе и неизмѣримость своей надежды?

Земля дана человѣку для обитанія. Сей лазурный сводъ, усѣянный блистающими звѣздами для того воздвигнутъ руками *Вѣчнаго*, чтобъ висѣлъ какъ горній балдахинъ надъ главою Царя природы. Нѣжная зелень, испещренная цвѣтами для того растетъ, чтобъ умягчать слѣды путешествія его. Солнце для того утверждено въ пространствѣ воздушномъ, чтобъ озарять стези его и пристанище. Когда тихая ночь готовится распростерть мрачное покрывало свое; луна съ милымъ блескомъ своимъ приходитъ успокоить волнующіяся мысли его. Она мещетъ блѣдный свѣтъ свой на предметы страстей его, дабы утолить стремленіе желаній его, и дабы доставить ему сладкое успокоеніе. Легкія испаренія, носящіяся надъ главою его, для того блуждаютъ въ

тверди небесной, дабы, премѣняя тамо пленительныя сцены, умѣрить знойный жарЪ лѣта. Пріятная прохлада, заключающаяся вЪ воздушныхЪ пузырькахЪ сгущается, и будучи носима на крыльяхЪ вѣтровЪ, орошая прохлаждаетЪ жгомую природу. Пространныя поля суть неистощимыя житницы человѣческія, океанЪ есть его водохранилище, — живопиные служители, — волнистые мѣхи одежда, — каждая стихія, есть обильный магазинЪ, сдѣланный для нуждЪ и удовольствій его. Каждое время приноситЪ ему самыя пріятныя произведенія. Вся природа работаетЪ ему. — Что можешь отвѣчать ты, неблагодарный человѣкЪ? ЧѣмЪ ты оправдаешь беззаконія свои? Благодѣянія Верховнаго Существа отвсюду окружаютЪ тебя. ОнЪ неограниченными щедротами своими

ищетъ токмо любви твоей; — но звѣзды въ самой полунощи открываютъ тебя сѣдяща при подножіи престола пороковъ. Крики распутства твоего непрестанно потрясаютъ сводъ небесный. Небеса рѣдко, рѣдко слышатъ гласъ твоей благодарности. Доколѣ не исправишся?...

IX.

Нѣжность цвѣтовъ, грубость ихъ кореньевъ; изображеніе воскресенія.

Нѣсколько мѣсяцовъ *цвѣты*, — сіи рѣдкія произведенія весны были только сухими и грубыми кореньями. Естьлибъ мы могли открыть нѣдро земли, то бы они намъ показались отвратительными и презрѣнія достойными. Между тѣмъ

они составляютъ славу Природы и утѣшеніе человѣка. Игла и кисть трудятся день и нощь въ изображеніи на полотнѣ богатаго и прелестнаго ихъ убранства.

Какое вѣрное начертаніе *Воскресенія*! тако человѣкъ, сокрытый въ прахѣ гроба, ничто иное есть, какъ безобразная глыба земли и поврежденія: но вскорѣ прахъ сей, одушевившись, возстанетъ на гласъ Творца, и воспріявъ новое безсмертное бытіе, возсіяетъ немерцающею славою предъ трономъ *Вѣчнаго*.

Прекрасный садъ! обиталище, въ которомъ душа моя вкушаетъ чистое и пріятное удовольствіе! Цвѣты, увеселяющіе глаза мои и услаждающіе чувства мои, сколько я объ васъ печалюсь! Горькая мысль растворяетъ ядомъ сладкіе ощущенія, вами мнѣ сообщаемыя. Я воз-

дыхаю о томъ, что буйные вѣтры готовятся сокрушить васъ. Уже громъ, потрясая вселенную, вершины горъ уравниваетъ краямъ пропасти. Сладкія благовонія, которыми вы наполняете воздухъ, скоро разсѣятся и изчезнутъ; блистательныя красоты ваши завянутъ; буря сокрушитъ тонкіе стебли ваши; унылая весна ослабѣвающимъ окомъ своимъ увидитъ лоно свое растерзаннымъ жестокими вѣтрами.

Пріидите посмотрѣться въ семъ зеркалѣ о вы, дщери Евы, блистающіе во всей славѣ красоты своей! Прелести ваши, помраченныя красотою цвѣтовъ, изчезнутъ столь же скоро, какъ и они. Лихорадка можетъ разлить пожирающій огнь въ нѣжныхъ жилахъ вашихъ; сухотка можетъ утончить сіи прелестныя и цвѣтущія

ланиты ваши; нечаянныя болѣзни могутъ погасить живость духа вашего. И — хотя бы скорби сіи не смѣли прикоснуться прелестямъ вашимъ; время, неумолимое и ѣдкое время обезобразитъ ихъ морщинами; коса его не *пощадитъ* цвѣтовъ юности вашей, равно, какъ и тѣхъ, которыми блистала недавно драгоцѣнная порфира Весны.

И вы, коихъ взоры блистаютъ еще всемъ огнемъ веселія! — И вы, какъ снесете уронъ свой, когда вмѣсто удовольствія, печаль будетъ снѣдать чувства ваши, и когда вы на прошедшія своя забавы будете обращать томное и умирающее око? Какъ вы будете призывать время, столь быстро протекшее въ жару вашего распутства? Не содрогаетесь ли, предчувствуя великую опасность, которую напомнить вамъ заставило меня нѣж-

ное соболѣзнованіе о драгоцѣнныхъ вашихъ выгодахъ? Не уже ли никакой отголосокъ отъ словъ сихъ не раздается въ глубинѣ сердецъ вашихъ? Еще юность украшаетъ взоры ваши; еще есть время бѣглыя мысли перемѣнить на основательныя, минутныя утѣхи, на всегдашнее удовольствіе *Спасенія*. *Религія*, дабы не устрашить васъ при самомъ отчаяніи вашемъ сообщаетъ вамъ отрадное ободреніе.

Вы, цвѣты увянете. Сія *Лилея*, представляющая царицею цвѣтника, съ какою благородною пріятностію возвышаетъ величественную главу свою! Видъ ея важенъ, достоинство отлично! Но — увы! слава ея нѣсколько дней продлится. Сколь тщетно и маловременно случайное преимущество! Знойный вѣтръ въ одну минуту изсушилъ ее. . . .

Сей *Тюльпанъ* не задолго времяни придавалъ великолѣпіе цвѣтамъ нашимъ, составляя самое блистательное украшеніе весенней короны: но онъ цвѣлъ одну только минуту. Теперь увядши и не имѣя запаху, обезображиваетъ засыхающій цвѣтникъ. Печальный садовникъ его исторгнулъ, желая скрыть отъ очей нашихъ памятникъ опустошенія.

Сколь плѣнителенъ видъ твой, *Роза!* какой алой цвѣтъ! какія сладкія благовонія! пріятной запахъ твой, растворяемый амброзическими испареніями, вездѣ разливается. Коликократно прекрасная Карисса, столь нѣжная и румяная, какъ роза, нѣжно улыбалася, взирая на прелестной цвѣтокъ сей! Коликократно роза оттѣнивала бѣлизну груди ея, гдѣ царствуетъ *невинность* и *добродѣтель*! На семъ

то тронѣ подражаемой любви, на которой развратныя сердца съ завистію взирали и — безуспѣшно, *Роза* видѣла увядшими свои прелести. Она нашла гробъ себѣ въ лонѣ невинныхъ утѣхъ и удовольствія.

Ктобъ не пожелалъ, чтобъ сіи милые обитатели садовъ нашихъ долговременнѣе существовали? Безполезныя желанія! судьба ихъ — цвѣсть и блистать одно только утро Каждой день солнце, въ полудни испуская знойные лучи, цвѣтники наши сдѣлало бы дикими пустынями, естьлибы тихая нощь не изливала въ чашечки цвѣтовъ прохладныхъ и легкихъ влажностей, оживляющихъ, и естьлибы благорастворенное утро, обильною росою, не возвышало увядшихъ стебельковъ ихъ.

Цвѣты, нѣжные цвѣты, вы погибнете; когда зима, подобная честолюбивому завоевателю съ мечемъ и пламенемъ въ рукѣ, истребляющему жатвы, разоряющему грады, опустошающему поля, всюду изливающему смерть и отчаяніе; когда печальная зима, чреватая бурями, пріидетъ возсѣсть съ желѣзнымъ скипетромъ своимъ на громадѣ руинъ среди томной природы: тогда ужасные Аквилоны будутъ издавать страшные свисты, древа лишатся богатой зелени своей; мы не будемъ болѣе утѣшаться подъ ихъ густою тѣнію прелестями цвѣтовъ нашихъ; пространныя долины сб нажатся и не будутъ играть волнистыми классами своими; земля, покрытая мрачнымъ крепомъ унынія, покажется безутѣшною вдовицею. Солнце, теперь на подобіе

Исполина торжественно восходящее, и на всю природу изливающее животворный огнь, тогда будетъ бросать слабые лучи, будучи препинаемо густыми и черными облаками; тогда самый день ни что иное будетъ, какъ мрачная ночь, ночь продолжительная; тогда не будутъ болѣе слышны разногласные концерты милыхъ пѣвчихъ лѣсовъ нашихъ, и нѣжный соловей прерветъ мелодическія трели свои; нѣмое эхо не будетъ болѣе повторять радостныхъ пастушьихъ кликовъ; глубокое и печальное молчаніе, прерываемое одними ужасными свистами вѣтровъ, окруживъ природу, будетъ гнѣздиться въ тѣхъ лѣсахъ, которые весною представляли Философу прекрасныя мѣста уединенія и прогулки.

И цвѣты и дубы погибаютъ. Самая вселенная въ ничто обратит-

ся; и небеса прейдутъ, и все, яко воскъ, распопленный огнемъ, изчезнетъ!

Божественный *Искупитель*! пусть все мимоидетъ, но — естьли Ты отверзаешь намъ объятія свои; мы, исполненные благости, вѣримъ, что сіе убѣжище наше надежно, и мы не имѣемъ причины опасаться разрушенія природы.

Конецъ первой Части.

ся; ... ко
воск... ез-
нет...

... ъ!

пуст... ли
Ты с... ои;
мы, ... mb,
что ... о,
и мы... ть-
ся р...